

A full moon is the central background element, glowing with a bright yellow and orange light. In the foreground, two large, detailed red roses are positioned, one slightly above and to the right of the other. They are surrounded by dark red, serrated leaves. The background is a deep blue, filled with out-of-focus light spots (bokeh) in shades of blue and white, suggesting a night sky with distant stars or city lights.

Леонид Шаховцев

Машенька

Леонид Шаховцев

Машенька

«Автор»

2026

Шаховцев Л. Л.

Машенька / Л. Л. Шаховцев — «Автор», 2026

Трогательная автобиографическая повесть о первой, чистой и искренней любви, которая остаётся в сердце навсегда. История рассказывает о мальчике, чья жизнь навсегда изменилась после встречи с девушкой, ставшей для него больше, чем просто другом. В центре повествования — история взросления маленького героя, который, оказавшись в сложной жизненной ситуации, находит поддержку и утешение в заботе старшей девушки. Через призму детских впечатлений автор раскрывает глубину человеческих отношений, где переплетаются дружба, благодарность и первая любовь. Эта история о том, как детская привязанность перерастает в глубокое чувство, о верности памяти и о том, как важно уметь хранить в сердце светлые воспоминания. Повесть затрагивает вечные темы: первая любовь, дружба, семья, забота о близких. Для читателей, ценящих искренние, душевные истории, написанные с теплотой и глубоким пониманием человеческой природы. Книга будет интересна всем, кто любит автобиографическую прозу.

© Шаховцев Л. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Машенька.	6
Маленькая повесть о любви.	6
Оглавление	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Леонид Шаховцев

Машенька

Леонид Леонидович Шаховцев

Машенька.

Маленькая повесть о любви.

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Леонид Леонидович Шаховцев, 2026

Это автобиографическая повесть и все персонажи в ней — реально живущие, или жившие когда то люди. Она рассказывает о ребенке, который растет и познает мир, в сердце которого зарождается любовь к девушке, которая старше его самого. Главный герой проходит путь взросления через дружбу, любовь и первую потерю, которую он помнит всю жизнь.

12+

Оглавление

Машенька.

У каждого из нас когда то обязательно была любовь всей его жизни. Та самая, которая бережно хранится в глубине души до самых последних дней. Любовь, о которой не знает никто, кроме того человека, кому она была предназначена. А может быть и этот человек так никогда не узнал об этом... Любовь идущая из самого детства, чистая и светлая, честная и искренняя, радостная и печальная, счастливая и несчастная, взаимная и безответная. Но не смотря ни на что самая близкая и дорогая. И если ей суждено было быть неразделённой — она так и хранится в душе у каждого человека. В том самом укромном уголке, куда никому нет дороги,

кроме него самого. К каждому из нас — мальчишек любовь приходила по разному: кто то влюблялся в свою соседку по парте, кто то в подружку по играм, кто то — даже в свою соседку — молодую девушку, студентку и просто красавицу. Возраст объекта нашей любви не был для нас помехой и мы вздыхали по «нашим девчонкам» и очень старались им понравиться. Мы рвали для них цветы в палисадниках тетушек — соседок, угощали фруктами и конфетами, а если сами стеснялись, то бывало так, что передавали свои «дары» через какогонибудь «надежного» и более смелого, но не заинтересованного товарища, или взрослого человека, а после мучались от своей собственной застенчивости и нерешительности. У каждого из нас был свой характер и свое, тогда еще детское, понятие о жизни, но в одном мы были едины — мы хотели поскорее вырасти, стать взрослыми, жениться на «своих возлюбленных» и считали что все нам по плечу, не задумываясь над тем, что вырасти мы все равно вырастем, а вот в свое детство больше никогда не вернёмся...

Но вот однажды я вернулся в свое детство, а вернее сказать — это оно вернулось ко мне. Вернулось в памяти и вновь пробудило все чувства и ощущения, которые я испытывал тогда, когда будучи ещё ребенком жил среди людей, оставивших в моей душе светлый и теплый след.

Эта история из моего детства. История светлая и грустная. История о моей первой и так и не сбывшейся любви. Никогда, никому я не рассказывал об этом, храня эту историю в своей душе более сорока лет. Но вот пришло и ее время. Я постараюсь рассказать все что помню сам. Ну а если вдруг что то и забылось за давностью лет — пусть мое сердце расскажет обо всем за меня. Ведь оно всегда и все помнит лучше, чем кто либо...

Котовой Марии Ивановне.

Моей Машеньке. С Любовью...

1.

Все началось со злополучных конфет. Мне три, или четыре года, я хожу в детский сад, который находится далеко от моего дома, в поселке Северный, на круглые сутки: меня отводят в понедельник, рано утром, когда все ещё спят и забирают вечером в пятницу. Но в этот раз в садик мне идти не нужно. Мама сегодня в ночную смену и я очень рад побыть дома. Но нужно сходить в магазин в поселке Южный и мы идём вместе. Там мы покупаем разные продукты, а в кондитерском отделе я вижу разноцветные конфеты «горошек» и мама покупает их мне целый килограмм. Но сразу не даёт, говорит что даст после того, как я поем. Я иду в припрыжку обратно домой, держа маму за руку и уже предвкушаю, как буду лакомиться конфетками. Наконец мы приходим домой. Сумка разгружена и мама начинает меня кормить. Я с нетерпением глотаю гороховый суп и как всегда не доедаю до конца. Не привлекают даже макароны с котлетами, которые я тыкаю вилкой в дырочки с торца и представляю, что это большие трубы, а вилка — мой башенный кран. Я балуюсь за столом, не хочу есть. Конфеты — вот что я буду есть с удовольствием. Но мама строга: пока не поешь — конфет не получишь. И я думаю: вот буду я когданибудь взрослым, будут у меня дети, так я им всегда буду разрешать есть конфеты и другие сладости когда только захотят. С такими мыслями я кое как расправляюсь с тарелкой макарон и котлетой. Наконец мама видя, что я все таки что то но съел, даёт мне горсточку конфет. Сначала я пробую одну и она такая вкусная! Затем я рассасываю ещё одну, а после — сразу засовываю в рот три штуки и бегу в зал. Но по пути цепляюсь ногой за небольшой порожек перед залом. Конфеты из за щеки, где они были до этого резво скачут мне в рот и в горло. Я инстинктивно глотаю, но конфеты крупноваты для моего, ещё детского пищевода и они застревают у меня в горле. Мне немного страшно и я бегу к маме. Говорить у меня не получается и я показываю пальцем на порожек, а после на горло. Мама понимает все сразу и у нее округляются глаза в которых начинают появляться слезы. Она стучит мне ладонью по спине, но конфеты не хотят выпрыгивать наружу. Она наклоняет мою голову вниз и снова стучит, но результата нет. Я понемногу начинаю чувствовать как мне не хватает воздуха, а конфеты как

назло даже не пытаются выскочить. Мама плачет, отпускает меня, выбегает на улицу и кого то зовёт. На кухню, впереди мамы, заходит какая то женщина. Это соседка с угла нашего барака — тетя Полина. Они вдвоем переворачивают меня вниз головой и начинают трясти. Наконец одна из конфет решает, что ей надоело сидеть у меня в горле и она вылетает наружу, стучается об пол и лениво указывает под кухонный стол. Это здорово, но внутри меня остались ещё две ее упрямые подружки и они никак не хотят под стол, к своей соседке по моему горлу. Меня опускают на пол и я становлюсь на четвереньки, а мама снова выбегает на улицу и о чём то просит кого то. От резких перемещений: сначала вниз головой, а после на четвереньки, меня мутит. А после рвет. И о, чудо! Вместе с супом и кусочком котлеты из меня нехотя выбираются обе конфеты и падают на пол в лужицу рвоты. Я снова могу нормально дышать. Аккуратно я поднимаюсь с пола и усаживаюсь на табурет. Тетя Полина обнимает меня и зовёт маму. Мама вбегает на кухню, видит лужицу с кусочками пищи на полу и ее начинает трясти, а после она рыдает. Я не могу понять почему, но на всякий случай тоже начинаю потихоньку плакать. За окном гудит какая то машина и я, размазывая слезы по щекам, аккуратно переступаю порожек и зайдя в зал приникаю к окну. На улице стоит белая машина с красным крестом и синим мигающим фонариком на крыше. А возле нее стоят две, или три большие девочки, с которыми я вряд ли знаком и разглядеть которых мне мешает тюль на окне. На кухне раздаются чужие голоса, я чувствую запах лекарств и в зал входит молодой доктор в белом халате. Он усаживает меня в кресло, надевает на голову круглое зеркальце, достает из железного ящичка, который принес с собой, железную, плоскую палочку — шпатель и просит меня открыть рот. Этого доктора я не боюсь и смело открываю свой ротик. Доктор осматривает мое горло, спрашивает у мамы про какие то аденоиды, а затем написав что то на бумажке уходит. Я снова иду к окну и смотрю за тем как доктор садится в машину и она медленно едет задним ходом, постепенно исчезая за терраской наших соседей, которые живут справа. Мама выходит на улицу и я слышу как она благодарит девочек, а после — отдает им все мои конфеты. Но мне их не жалко. Единственное что меня беспокоит — это то, что не может ли с ними случиться тоже самое, что и со мной. И я спрашиваю об этом маму, которая уже давно меня целует и обнимает. Она отвечает, что с ними все будет хорошо, потому что они уже большие девочки и ходят аккуратно, глядя под ноги, а не бегают по дому сломя голову. И я успокаиваюсь...

На следующий день, когда мама приходит с работы и отдохнув начинает готовить еду, я спрашиваю у нее про девочек: не знает ли она, понравились ли им мои конфетки и кто эти девочки. Она говорит, что наверное понравились. А на вопрос о том, кто такие эти девочки — она отвечает что две из них из какой то деревни Тифинки (на самом деле деревня называется Тихвинка, но Тифинкой ее называли все. Видимо так было проще выговаривать), а третья — живёт рядом с нами. Ее зовут Маша и она дочка тети Ани и дяди Вани Котовых. Я не очень хорошо понимаю о каких Котовых идёт речь, так как не очень часто бываю дома, а живу в детском саду и в этот раз мне просто повезло, что мама на два дня меня оставила дома. Потом будут выходные, а в понедельник мне снова ни свет, ни заря топать с папой в детский сад. Потому что со мной некому сидеть, а сам я «ещё мал быть один дома» — так мне говорят родители. А мама рассказывает дальше: что когда я подавился конфетами, она выскочила на улицу и позвала соседку, а после увидела идущих мимо девочек и попросила их вызвать мне «скорую помощь», что бы меня спасли, иначе я мог задохнуться и умереть. Что такое "умереть" — я не знаю, но чувствую внутри себя, что это что то очень нехорошее и даже страшное. Мне становится не по себе и я всхлипываю. Девочки, по словам мамы, побежали искать телефон, позвонили и вызвали мне доктора. И хотя конфеты благополучно выскочили сами, я очень благодарен этим девочкам и мне хочется сказать им спасибо за то, что они меня спасали, но я не знаю где они живут и от этого становится грустно. Меня утешает только одно: что им понравились конфетки, а так же, что рядом с нами живёт одна из них и её зовут Маша. И мне хочется пойти к ней и сказать ей спасибо, но мама не пускает. «Потом скажешь — говорит

она — Маша рядом живёт и никуда не уйдет». Я говорю, что хорошо что Маша живёт рядом. Мне очень хочется посмотреть на нее, какая она эта Маша, которая побежала звать ко мне доктора... С этими мыслями, после ужина и посмотрев мультфильм в передаче «Спокойной ночи малыши», я ложусь спать и засыпаю... И мне снится Маша, которая живёт по соседству с нами и которую я никогда не видел. Она хорошая и добрая, она очень ласковая и у нее красивый голос. И сама она очень красивая. Она угощает меня клубникой — ягодами, которые я очень люблю...

Так в моей жизни появилась Маша. Девушка, которая вместе со своими подружками поспешила мне на помощь, которая каждый день проходила мимо моего дома возвращаясь с работы, а иногда, заходила к нам в гости и играла со мной в игрушки и к которой потянулась моя, тогда ещё наивная и чистая детская душа. Девушка, которая сама того не подозревая, стала для меня по настоящему самым близким человеком в жизни.

2.

Я живу в поселке Скуратово. И он настолько большой, что вмещает в себя ещё ряд поселков: Южный (где много магазинов и самый главный — магазин игрушек со странным названием «Культтовары»), Северный (где находится мой детский сад), Западный (где больница, в которой я лежал) и Восточный (где живёт моя воспитательница Татьяна Александровна и два ее сына — Гриша и Саша. Они тоже ходят в мой садик, только Гриша уже большой и он в старшей группе, а Саша со мной — в младшей). Других поселков я ещё не знаю, как не знаю и деревень, расположенных вокруг. Ещё знаю, что у нас есть шахты в которых под землёй шахтеры добывают уголь, которым потом топят печки, если дома нет газа. У нас есть газ, поэтому уголь я видел только в книжке. Я живу в браке на улице Фрунзе. Кто это такой я не знаю, но мама мне рассказала, что был такой «красный командир». Про «красного командира» я слышал в песне, только там другой какой то командир. Щорс — так его зовут. У него «голова обвязана, кровь на рукаве»... Наверное этот Фрунзе когда то давно воевал за наш брак, раз его именем назвали целую улицу на которой я теперь живу. В нашем браке живут несколько семей и бывая дома, особенно тогда когда мне не нужно в садик, я тороплюсь узнать обо всем на свете: где я живу, кто живёт рядом и прочее. И постепенно я узнаю, что справа от нас, с начала барака живут Титовы: дедушка Вася и его жена тетя Полина. Через стенку с правой стороны с нами живут Журавлёвы: бабушка Клава, тетя Галя, дядя Ваня (он работает на шахте) и их сын Сережа, который младше меня на год. Серёже в сад ходить не нужно — у него есть бабушка, она с ним «сидит». А моя бабушка далеко — в каком то Овсянниково, где железная дорога. Дальше живём мы: я и мама с папой. Слева через стенку живут Бобковы: дедушка Вася и баба Маня. Дальше живут Крысины: дядя Витя и тетя Вера, а с ними их сын Володя. Следующими живут Котовы: дядя Ваня, тетя Аня и их дочь Маша. И последними — Гусаровы: тетя Лида, дядя Коля и их сын Саша. Все это я разузнавал, когда бывая дома ходил знакомиться с соседями, которых видел на улице. И вот теперь я уже знаю где живёт Маша и кто её родители. Соседи у нас хорошие: встречаясь со мной они всегда здороваются и спрашивают как у меня дела. Я говорю что хорошо и всегда им улыбаюсь. Почти всех соседей я видел и узнаю их в лицо. Вот только Машу я ещё не видел ни разу и мне очень хочется на нее посмотреть.

Прошло несколько дней после случая с конфетами и я снова дома играю со своими игрушками. Папа ушел на Ясную Поляну к моей второй бабушке, а мама дома что то готовит. На улице лето, жара. Входная дверь на улицу открыта и мама ходит туда — сюда: то на улицу из дома, то домой с улицы. Мне одному на улицу ещё ходить нельзя, поэтому я и играю в свои игрушки. И вдруг я слышу мамин голос: «Маша, зайди пожалуйста к нам». Маша... Та самая Маша, которая побежала за доктором?! Я волнуюсь, собираю разбросанные игрушки и спешу к двери из зала, где я играл на кухню, к уличной двери. Но не успеваю. Мне навстречу входит

высокая девушка с длинными черными волосами до плеч и яркими, пронзительными, красивыми глазами. И сама она такая красивая, что я тут же теряюсь и забываю что хотел сказать при встрече с ней. Она присаживается на корточки рядом со мной, оправляет подол своего платья и говорит мне: «Здравствуй, Леня». Она знает как меня зовут! Но откуда? Голос у нее такой же красивый как и она сама. Я мямлю «Здравствуйте» и жутко стесняюсь, отчего краснею и опускаю глаза в пол. Мама предлагает ей присесть в кресло и идет на кухню ставить на плиту чайник. Маша садится в кресло и снова смотрит на меня. А я даже не знаю что ей сказать. Наконец я решаюсь и выдавливаю из себя: «Спасибо». Маша искренне удивляется: «За что?» А я не знаю что говорить дальше. Положение спасает мама. Она уже поставила чайник на плиту и пока он закипает, она входит в зал и говорит Маше: «Маша, спасибо тебе большое за то, что ты тогда позвонила в „скорую помощь“. Если бы не вы с девочками, его бы уже у меня не было»... И плачет. Маша берет ее за руку и говорит: «Ну что Вы. Я и сама испугалась, что с Вашим сыном случилась беда. Но хорошо, что все обошлось», смотрит на меня и улыбается. Мама успокаивается и идёт готовить чай, а Маша... Маша понимает что со мной происходит. Поэтому она берет меня за руку и начинает ласково со мной разговаривать. Я оттаиваю и уже через минуту я показываю ей все свои игрушки, а так же хочу ей подарить любую из них, на ее выбор. Но Маша мне объясняет, что она уже давно, к сожалению, не играет в игрушки и что она уже работает. Но со мной она поиграет с удовольствием. Мама предлагает ей вместо чая пообедать с нами. Маша поначалу отказывается (этикет того времени), но после соглашается. И мы обедаем вместе, но не на кухне, а в зале. Я сначала стесняюсь Маши, но она меня успокаивает и я... Я начинаю привыкать к ней. Потом мы пьем чай и уже я рассказываю о детском садике, о других ребятах и девочках с которыми я подружился, о том, как ходил с папой на Ясную Поляну к бабушке... Ну а потом мы с Машей играем. У меня есть куклы, которые мне купили ещё до моего рождения, потому что думали что родится девочка, а родился я. Маша мне показывает как с ними играют в «дочки — матери» и ещё много других разных игр про которые я даже не знал. Через некоторое время Маша прощается со мной и мамой, говорит что ей нужно куда то сходить и уходит. Мне очень не хочется, что бы она уходила, но делать нечего, я вместе с мамой провожаю Машу до калитки и она обещает заходить ещё. Я так рад этому, что мне больше ни о чем не хочется думать как только об этом. Мама подает мне большой, красивый персик из тарелки и я угощаю им Машу. Она ласково обнимает меня, целует и говорит спасибо. Вечером, когда я ложусь спать я думаю о Маше: о том спит ли она сейчас и думает ли обо мне. Я начинаю тосковать по ней. Мне её не хватает. Постепенно я засыпаю и во сне я снова вижу Машу и понимаю, что это она приснилась мне раньше, в ту ночь, когда днём я подавился конфетами. И в моем новом мне мы идём с ней по большому полю. Вокруг полно цветов и бегают разные животные: зайчики, лисы, медведи... Маша держит меня за руку и мы о чем то разговариваем. Она улыбается мне, а я улыбаюсь ей и мне хорошо и спокойно, как будто мы родные друг другу...

3.

В моей жизни есть только мама и папа. И больше никого нет. Есть соседи, с которыми я иногда болтаю, но порой им не интересна моя болтовня и они идут заниматься своими делами. Есть ребята и девочки в детском саду, мои ровесники, с которыми я провожу большую часть своей жизни. Мы давно привыкли друг к другу и нам уже порой не так интересно друг с другом как было вначале. Есть друг — сосед Сережа и Игорь из соседнего барака, с которыми мы вместе играем, когда я не в садике, а это случается не очень часто. И больше никого нет. Ни брата, ни сестры. И от этого мне очень одиноко. Любые разговоры с родителями по поводу братишки, или сестрёнки заканчиваются ничем. Они не хотят больше детей и не понимают меня, почему вдруг мне понадобилось об этом спрашивать. А мне... Мне так хочется о ком то

заботиться. И что бы этот человек заботился обо мне. Мне не хватает тепла, ласки, участия, понимания... Мне не хватает любви. Что бы я мог отдавать свою любовь, и получать взамен такую же. Я не знаю как это правильно высказать, в силу своего возраста, поэтому по большей части не говорю об этом ни с кем. Я расту вне дома, в детском саду, который находится, по моим ощущениям, на краю света. То есть очень далеко от дома. И никого из близких нет рядом, особенно тогда, когда мне это необходимо. И мне приходится, пусть и с трудом привыкать к этому положению. Машу я вижу не часто. Иногда, а вернее сказать очень редко, она заходит что бы поиграть со мной. А ведь мне так её не хватает! Она очень хорошая: добрая и ласковая. А какой у нее чудесный голос! А глаза! Мне хочется, что бы она всегда была со мной. Я скучаю по ней, тоскую и в садике, и дома. И постоянно спрашиваю у мамы: «Почему Маша не идёт? Почему Маша так редко приходит?». На что получаю ответ: «Она работает», или «Она большая и у нее свои дела». И я как всегда остаюсь один со своими игрушками. Маши нет и ничто меня больше не радует...

Но однажды всё меняется. В наш садик приходит работать поварихой пожилая полноватая женщина — бабушка Фрося, которую все воспитатели зовут тётей Фросей и я тоже не так называю. А она и не обижается. Вместе с ней, к нам приходит девочка. Ее зовут Олеся. Она ещё маленькая и ходит в младшую группу, тогда как я уже переведен в старшую. Олеся — спокойная и доброжелательная девочка. И у нее глаза такие же как и у моей Маши — добрые и красивые. Мне она нравится и мы потихоньку начинаем дружить. Тетя Фрося тоже очень добродушная, спокойная женщина. Она работает не только поваром, но и остаётся с нами на ночь нянечкой. И вот однажды, перед сном, заметив что я лежу и тихо плачу в подушку она присаживается рядом со мной и ласково гладит меня по голове. А потом спрашивает, что у меня случилось. И я рассказываю ей все: и про свое одиночество, и про Машу и про то, что я очень сильно скучаю по ней... Тетя Фрося ласково улыбается мне: «Так я знаю твою Машу. Это моя племянница.» У меня перехватывает дыхание, а тетя Фрося продолжает: «дядя Ваня то, ее папа — это ж брат мой родной. И маму твою я хорошо знаю, и папу. Я ж недалеко от вас живу.» Я во все глаза смотрю на бабушку Фросю. Вот оно что! Она родственница Маши. А Олеся — ее внучка. Вот почему у нее глаза на Машины похожи. И вдруг тетя Фрося спрашивает: «Тебе нравится Маша?» Я молчу, потому что стесняюсь сказать и поэтому не знаю что говорить. Но что то внутри заставляет меня сделать это: «Она мне очень нравится. Она очень хорошая и добрая. И я ее очень люблю и скучаю по ней». Все это я выпаливаю одним духом и жду, что мне скажет тетя Фрося. А она вдруг обнимает меня и прижимает к себе. А после целует в лоб. И от этой доброжелательной ласки, от этих теплых рук я начинаю плакать. Тетя Фрося ласково гладит меня по голове и я заканчиваю то, что хотел сказать «Я хочу что бы Маша жила со мной. Я буду хороший, послушный и буду очень сильно ее любить». Тетя Фрося очень долго смотрит на меня, а потом вздыхает: «Маленький ты мой — говорит она — тоскливо тебе одному то живется. Ни сестры, ни брата у тебя нет и не к кому даже прижаться, поделиться не с кем своим то, что на душе... Мама тебя родила поздно, да и дался ты ей очень тяжело, поэтому она тебя и не понимает. Была б она помоложе... А здесь уже возраст не тот, и понятие другое. Папка у тебя хороший человек, да вот беда — выпивает... — тетя Фрося спохватывается и смотрит на меня. Я молчу и она подумав говорит дальше — мама твоя этого не любит. Пьяных то есть. Да и кто их вообще любит то выпивших... Для женщины пьющий мужик — горе, деточка моя. Ну и пока навоюется с ним, хоть он и смирный человек, неплохой и сама устанет. На работе намыкается в три смены, да дома дела: готовка, стирка, уборка и все в одни руки. И тебе внимание нужно уделить. А времени у нее уже ни на что не остаётся. Так вот сынок бывает — она поправляет на голове платок и продолжает — и деток она не хочет больше потому, что одной то ей не справиться. Ты растешь, характер меняется, нужда у тебя уже другая. Вот и злится она и ругается, от того что помощи ей ни в чем никакой нет — ты то мал ещё, а от отца какая помощь... От того и любви ты толком от нее не видишь, хоть и

любит она тебя. Поэтому тебе и нужна старшая сестра, что бы чуть постарше тебя по годам, но что б в одной поре вы были. Что б понимали друг друга. Ласки ты мало видишь, тепла мало чувствуешь, а мальчик ты добрый, хороший, ласковый, не то что есть сорванцы такие что...» Она замолкает и гладит меня по голове: «Спишь может быть уже? А то я пойду?» Но я не сплю и тетя Фрося рассказывает дальше: " Ты в Маше и увидел такую сестру для себя, уж очень она тебе подошла: и добрая, и хорошая, и ласковая — врать не буду. Но так как семьи то у вас разные, и матери, и отцы разные, и живёте в разных домах, хоть под одной крышей, но разных, то и получается что она там, а ты здесь. И без нее тебе тошнохонько. Вот и полюбил ты её, хоть и по детски ещё, а полюбил всерьёз.». Внезапно она спрашивает: «А моя Олеся тебе нравится?» «Нравится — шепчу я еле слышно — она такая же хорошая как и Маша». «Ну и то ладно — говорит тетя Фрося и укрывает меня одеялом — спи детка, отдыхай. И не плачь. А я, как буду у вас — поговорю с Машей. Что бы она к тебе почаще поласковее была. Расскажу ей всё, а там как она сама решит...» И встаёт с кровати. «Она девочка понятливая, хорошая, она все поймет. Не горюй дитенок, мы и с этим справимся». И шаркая по полу тапочками она уходит к себе. И я впервые засыпаю спокойно, заручившись поддержкой и авторитетом тети Фроси...

Мы давно выросли и разлетелись по своим гнездам. Олеся — вышла замуж и счастливо живёт со своим мужем и сыном. Дай Бог им всего самого хорошего и доброго... Иногда мы переписываемся в сети и поздравляем друг друга с днём рождения. Бабушка Фрося — милая, добрая «тетя Фрося» — как звали ее мы — детсадовцы — умерла двадцать пять лет назад. Умерла дома, в окружении своих детей, внуков и правнуков. Бог дал ей по доброте ее дожить до этих славных дней и уйти в кругу своей семьи. И хотя я не очень верующий человек и не верю ни в Ад, ни в Рай (в аду я пару раз был на земле, а вот рая так и не увидел), все равно я верю что наша добрая Ефросинья Дмитриевна Зотенко (в девичестве Котова) сейчас проживает именно в Раю. Том самом Раю, в который каждый стремится, но не каждому дано попасть... И если есть Бог на свете, то пусть он даст ей всего самого лёгкого и светлого в ее вечной жизни. Ну а я... Моя история ещё впереди и возможно когда нибудь я расскажу и её. А сейчас — это совсем другая история. История моей первой и единственной любви. И людей, которые будучи в моей жизни оставили в ней след своего тепла. И рассказываю я ее от лица мальчика, делающего свои первые самостоятельные жизненные шаги, который по мере взросления понимает, что в жизни все совсем не так просто, как казалось немногим ранее...

4.

С бабушкой Фросей мы очень сдружились. И кровать ее внучки Олеси теперь рядом со мной. И долгими вечерами, когда из садика забирают остальных детей и нас «ночников» остается от силы три — четыре человека, тетя Фрося рассказывает нам о своей жизни. О том, как она была на войне, как жили люди после войны, как рожали и воспитывали детей, отдавая им последнее. И нам очень интересно слушать эти истории. Иногда, вместе с Олесей и тетей Фросей к нам в садик приходит старшая Олесина сестра Дина — красивая девочка, на несколько лет старше меня, которую я сразу, обладая хорошо развитым воображением нарядил в кокошник, платье из книжки и прозвал про себя «Василиса Прекрасная». Только ей не очень нравится возиться с нами, она больше помогает тете Фросе и ухаживает за младшей сестрой. А я держусь поближе к Олесе, ведь она ещё маленькая и мне хочется ее защищать и заботиться о ней, а ещё потому что она напоминает мне Машу, только ещё малышку.

И вот однажды происходит настоящее чудо. Как то раз, ближе к вечеру вместе с тетей Фросей вместо Дины к нам в сад приходит Маша. И я теряю голову: я ношусь перед ней, бегаю прыгаю: мол посмотри какой я ловкий. Но Маша не обращает на меня никакого внимания. И я приуныл. В кустах кто то шуршит я ринулся туда: может это крыса, которая лазила на прошлой неделе недалеко от кухни... Вот я сейчас ее поймаю и покажу Маше: смотри, какой я смелый!

Все боятся эту толстую, рыжую крысу с длинным хвостом, даже воспитательница. А я вот сейчас возьму и поймаю ее! Но это оказывается наша садовая кошка, да ещё и с котятами. Она шипит на меня и царапнув по руке лезет со всем своим выводком глубже в кусты. Царапины не глубокие, но щиплют изрядно. Увидев мою окровавленную руку Маша изумлённо поднимает брови, а вот тетя Фрося сразу все понимает: «Маш, обработай ему рану и перевяжи героя — она улыбается — видишь как старался, хотел тебе угодить». И подмигивает мне. «Зачем?» — голос Маши сосредоточенно-спокойный. Она приносит бинт и йод и тянет меня за здоровую руку к себе: «Давай посмотрим что там. Я тебя перевяжу и мне нужно тете Фросе помочь». Я чуть не плачу. А я то так старался! ... Заметив мое настроение тетя Фрося терпеливо ждёт, пока Маша закончит меня перевязывать и уводит ее с собой «доделать кое какие дела». И я остаюсь один. Не считая маленькой Олеси, которая хочет со мной поговорить. «Скажи, а это крыса была? — она делает круглые глаза — а она большая? Тебе больно?» При последних словах Олеся чуть не плачет и я сам чувствую что сейчас заплачу. Потому что Маша не оценила мое «геройство»... Но вот Олеся... Я смотрю на нее уже другими глазами, затем обнимаю и мы усаживаемся на лавочку перед клумбой с цветами. И я начинаю (как бы это сказать помягче) сочинять: «Конечно крыса — говорю я ей — и большая. Такая большая как кошка. Даже ещё больше. Она хотела к тебе подкрасться и утащить к себе в нору, как Шушара Буратино. Но я вовремя её заметил и придушил гадину!» Последнюю фразу я услышал в каком то фильме, но это уже не важно — Олеся смотрит на меня восхищенными глазами приоткрыв от удивления рот. Вот для кого я настоящий герой! А Маша... Может ей нужно, что бы я спрыгнул с крыши? Я поднимаю глаза на нашу крышу, к которой прикручен большой прожектор, который зажигают на ночь, а затем шарю взглядом по сторонам в поисках лестницы. Но ее нет и я закусываю губу от огорчения. Да, я немного расстроен, но Олеся рассматривает мою забинтованную руку, потихоньку пальчиком трогает бинт и снова спрашивает: «Тебе не больно?» «Нет — отвечаю я приободрившись — это пустяки. Царапина. На войне и не такое бывает...» И эту фразу я «слямзил» из кино, но маленькая Олеся пока ещё верит всему. «Ты и на войне был? — спрашивает она — как наша бабушка?» «Нет — отвечаю я, понимая что „ври, ври, но меру знай“ — на войне я не был. Но когданибудь побываю». Мог ли я тогда знать, что эти слова окажутся пророческими и я дважды побываю на ней? Наверное нет...

На ужин — мои любимые «ёжики» — рисовые шарики обжаренные с двух сторон, а внутри мясной фарш. И с моей любимой подливкой — как в столовой, куда я ходил с мамой, когда мы бывали на Южном. Очень вкусная еда, мне она нравится. Интересно, а Маша умеет готовить такие «ёжики»? Если нет — тетя Фрося её научит. Вот мама не умеет, а у Маши наверняка получится. Раньше нас кормила бабушка Маруся, тоже хорошая женщина. Но она ушла от нас, потому что часто приходила на кухню «подшофе». Как это «подшофе» я не знаю. Может быть она ещё шофером работала? Многие взрослые слова и выражения мне очень интересны: что они значат. Я же расту, а значит они мне ещё пригодятся. Но некоторые я не всегда понимаю и тогда мне нужно объяснять.

Наконец ужин заканчивается и мы — «ночники» идём мыть руки и обязательно в туалет — «что бы ночью в кровать не напузырили» — как говорит тетя Фрося. Свободных кроватей в нашей спальне много — почти всех ребят родители забрали домой. Остались только мы с Олесей и ещё один мальчик, у которого мама работает на обойной фабрике, которая находится недалеко от нашего садика. Тетя Фрося сегодня укладывается вместе с нами, на кровати которая ближе к выходу. Кровати у нас стоят попарно и она укладывается рядом с собой Олесю. «А Маша? — спрашиваю я её — где она будет спать? «А где захочет. Коек то у нас во сколько много» — тетя Фрося обводит рукой спальню — ты иди, детка, ложись мой хороший, отдыхай. Ручка не болит?» Я кошусь на забинтованную Машей руку и говорю что болит только немножко. «Как же ты кошку там не углядел? — спрашивает тетя Фрося — кошка когда с котятами всегда ободрать может». Я жму плечами: у меня кошки нет и их повадок я не знаю.

Знаю только то что они едят творог и молоко и лазят по деревьям. «Ну ничего — ободряет меня тетя Фрося — до свадьбы заживёт» и ложится с краю, рядом с Олесей. А я иду неспеша к своей кровати, ложиться спать. Я раздеваюсь до трусов и майки, вешаю свою рубашку и штаны на спинку кровати и лезу под одеяло. В кровати холодно и нужно полежать немного под одеялом, что бы я потихоньку согрелся. Я ворочаюсь под одеялом, что бы лечь поудобнее и прогреться, пружины внизу скрипят и мне вспоминается раскладушка дома, на которой я иногда летом сплю — она так же скрипит своими пружинами. В коридоре кто то гасит свет, оставляя гореть небольшой ночничок перед входом в нашу спальню, а затем я слышу неторопливые шаги. Это Маша. Она о чем то говорит с тетей Фросей. О чем — я не разберу — они говорят очень тихо, а затем я слышу шаги в мою сторону. «Спишь? — спрашивает меня Маша, вытирая волосы полотенцем быстро — быстро — как рука?» Я смотрю на нее: она такая ловкая, так быстро вытирает волосы, что бы они поскорее высохли. «Чуть чуть болит» — говорю я ей машинально и тут же спохватываюсь: зачем я ей сказал что болит, надо было сказать что наоборот все хорошо... Она вешает свое полотенце у меня над головой на вторую спинку кровати и садится рядом со мной. «Скучаешь? — спрашивает она меня и я вздыхая отвечаю что да, думая что она спрашивает о себе. «Как же ты так далеко забрался от дома?» — снова спрашивает она и я жму плечами под одеялом: «Не знаю — говорю я ей — в другом саду не было мест... Я здесь уже почти три года». Маша смотрит на меня и я смущаюсь. «Ну ничего — говорит она — уже не долго осталось. Ещё год и пойдешь в школу». «С тобой?» — с надеждой спрашиваю я и Маша тихо смеётся. «Нет, я ее давно закончила. А вот ты только пойдешь — говорит она и поправляет мне одеяло — ладно, спи давай» и встаёт. Я слышу как удаляются ее шаги и мне становится очень тоскливо: мы так мало теперь видимся и совсем не разговариваем, а при встрече просто здороваемся и все. Она обходит наш ряд постелей и подходит к кровати рядом со мной. Я слышу как она потихоньку ложится на соседнюю кровать и поворачиваюсь к ней. «Ты все ещё не спишь? — удивлённо спрашивает Маша и протягивает ко мне руку. А я... Я хватаю ее ладонь и прижимаюсь к ней щекой. И неожиданно для себя всхлипываю. «Ты что? Что случилось? — Маша не понимает что со мной происходит, от того теряется и говорит — будешь плакать — я уйду». Я пытаюсь перестать, хотя получается не очень. Я ещё сильнее прижимаюсь к ее руке и целую эту руку, для меня самую нежную руку на свете. Неожиданно Маша обнимает меня и привлекает к себе. Я утыкаюсь носом ей подмышку и впервые вдыхаю ее запах — запах юной девушки, свежий и чистый. А она аккуратно вытирает ладонью мои заплаканные глаза. Она ждёт пока я успокоюсь, а затем немного отодвигается от меня и смотрит мне в глаза. В нашей спальне не очень темно: за окном, за забором горят фонари и на улице ещё лето, да ночник горит над входом в спальню, поэтому я тоже её хорошо вижу. И впервые так близко вижу ее глаза... Она очень внимательно смотрит на меня, а я — на нее. «Ты наверное по маме соскучился?» — говорит она мне. «Ага — отвечаю я всхлипывая — и по тебе тоже». «По мне? — она удивленно смотрит на меня — почему?» Я не знаю что ей ответить, только еще сильнее прижимаюсь щекой к ее руке. «Это из за того, что я тогда тебе вызвала «скорую», когда ты... Это из за тех конфет, да?» «Нет, Маша, нет — я соображаю что ей сказать и не знаю как — потому, что ты хорошая и очень добрая». «Вот как? — она улыбается с полумраке нашей спальни и я чувствую, что второй рукой она касается моей щеки и гладит ее — и откуда же ты это узнал?» «Я не знаю, Маша. Я чувствую внутри» — я действительно еще слишком мал, что бы правильно ей объяснить свои ощущения, поэтому замолкаю и с надеждой на то, что она меня понимает смотрю на нее. Маша задумчиво смотрит на меня, а потом наклоняется ко мне близко — близко. Я ощущаю ее дыхание у себя на лице и закрываю глаза. И чувствую как она целует меня: сначала один глаз, потом второй, потом в лоб... Я очень хочу, что бы она поцеловала меня в губы, как порой это делает мама, но Маша уже отстраняется от меня и вытягивает свою руку так, что бы я удобнее лег на нее. Затем она поправляет на мне одеяло, подтыкая его мне за спину. «Лягушонок — шепчет она — ты что

такой холодный? Замёрз?» И обнимает меня второй рукой. «Нет — шепчу я в ответ — мне тепло». Я разволновался вот и стал таким холодным. «Тогда спи — снова шепчет Маша — спокойной ночи». Я утыкаюсь холодным носом в её щеку и шепчу ей ответное: «спокойной ночи». И засыпаю. Мне так хорошо, так тепло и уютно рядом с ней, как никогда ещё не было. И мне больше ничего не нужно, только бы вот так как сейчас было всегда. И я вижу сны. И они такие хорошие, что просыпаться не хочется. Я знаю, что Маша рядом, что она со мной и хочу что бы так было всегда...

Маша... Милая моя Машенька... Никто не учил тебя как обращаться с нами, с такими как я — детьми 5—6 летнего возраста. Ты, как и другие девочки в детстве играла в кукол, но как «иметь дело» с детьми, тем более детьми моего возраста — ты не знала. И некому тебя было этому научить: младших сестрёнки или братишки у тебя никогда не было, а родители вероятно думали, что «будут свои — научится, а там и мы что подскажем». В то время такое понятие было наверное у большинства родителей, особенно тех, чьё детство пришлось на трудные военные годы, когда старшим детям приходилось брать на себя воспитание младших. Был у тебя свой ребенок, да не суждено тебе было вырастить его... И в этом отношении, я был твоим первым ребенком, Маша. Им я для тебя и остался...

5.

Читать я научился очень рано: сначала мне читала мама, а я смотрел в книжках картинки, потом я узнал буквы и у четырех годам уже бегло читал различные книги и журнал «Веселые картинки», который для меня выписывали родители. И вот теперь, когда с тетей Фросей в наш сад приходит Дина — она потихоньку учит меня писать. Я сам подошёл к ней и попросил. И она согласилась. Я знаю, что она не очень любит играть с нами — «девочка уже большая, от того ей с вами уже не интересно» — говорит тетя Фрося. Но со мной она занимается. Даёт мне тетрадку и ручку, такую как я видел у взрослых, показывает мне как правильно писать буквы и я стараюсь, что бы выходило как у нее — красиво, но пока плохо получается. Тетя Фрося говорит, что «не спеша всё получится» и я стараюсь не торопиться, писать аккуратно. Иногда ко мне присоединяется Олеся, она тоже хочет научиться писать. Ей сначала дают карандаш, но она плачет и просит ручку. А так как она у нас одна на двоих — мы пишем по очереди. У меня быстрее получается чем у нее: я уже потихоньку пишу целые слова, а она только буковки. Но она ещё маленькая и ей нужно будет многому учиться. Олеся — спокойная и доброжелательная девочка. Она всегда терпеливо ждёт, когда дойдет и до нее очередь писать в тетради буквы. Она смотрит как я пишу и смеётся: «Какая буква смешная — говорит она — как домик». Или «как палочка с крючком». Ей всего три года и все что я уже знаю, ей тоже интересно. И мы часто общаемся с ней, особенно когда ложимся спать. Лежим на кроватях рядом и болтаем. Меня иногда дразнят наши мальчишки: «С малявкой дружится». А мне с ней интересно. Мне давно хотелось маленькую сестричку, поэтому когда Олеся играет с другими девочками мне становится без нее скучно. Тогда, если тетя Фрося приходит с Диной — я иду к ней и мы вдвоем садимся за стол, она мне даёт ручку и мы пишем уже целые предложения. Дина терпелива со мной и мне это очень приятно. Однажды я рассказал ей, что про себя называю ее «Василисой Прекрасной». На ее вопрос: «Почему?» — я ей рассказал, что она похожа на царевну на картинке в книжке. Она долго смеялась, а после погладила меня по голове и попросила никому не говорить, что я её так называю. Она тоже хорошая девочка, как Олеся, только уже большая. А иногда, вечерами, перед ужином, мы сидим на лавочке с тетей Фросей и разговариваем, она рассказывает мне много нового и интересного. Она мне как бабушка, только «садовская». У нее очень приятный голос и она знает много разных историй, которых не знает никто. А так как она живёт неподалеку от нас — мне ещё приятнее, словно бы она шла мимо моего дома и принесла с собой частичку его. Так она мне и говорила, когда я был поменьше и очень скучал

по дому. И я сразу успокаивался и уже не отходил от нее, засыпая ее вопросами, а она мне всегда терпеливо обо всем рассказывала. Теперь я уже большой и скоро пойду в школу, как мне Маша говорила. Там наверное мне тоже будет так же хорошо, как сейчас, когда рядом тетя Фрося, Олеся и иногда Дина. А может быть будет ещё лучше — ведь там рядом Маша. Когда я бываю дома, то прихожу к Машинному папе — дяде Ване. Он хороший, спокойный и добродушный человек, с которым мне всегда интересно: он показывает мне как строгать досочку, или пилить ее, а потом и мне даёт рубанок и ножовку попробовать построить и попилить. И я пилю и строгаю. А узнав, что я люблю читать — он даёт мне почитать различные детские книжки. Например: «Невидимки» — про мальчиков — партизан. А вот Машу я вижу ещё реже — мне говорят что она то с подружками гуляет, то ещё какими то делами занимается и я сразу становлюсь грустным. И сразу становится скучно играть с друзьями — Серёжей, у которого кстати родилась маленькая сестричка Олечка, и с Игорем, но я всё равно играю. Иногда меня отводят ночевать к бабушке из Овсянниково, через железную дорогу. Она живёт с двумя своими дочерьми — старшими мамиными сестрами — тетей Шурой и тетей Машей. У них нет мужей и поэтому они живут с бабушкой. Когда я спрашиваю их о том, почему они не женились — они отвечают, что их женихов «война прибрала, а после уже другие невесты выросли». С ними вместе живёт мой двоюродный брат Коля, которого какая то ещё моя тетя Зоя «родила и бросила на бабушку». Он уже заканчивает школу и любит возиться со мной, но потом уходит к своим друзьям и я снова остаюсь с двумя старшими тетями и бабушкой. Они кормят меня каким то кулешом и говорят, если я не ем: «не хочешь кулеш — ничего не ешь» и посмеиваются надо мной. Им то можно — они уже очень взрослые, даже старше мамы. Я тоже очень хочу поскорее стать взрослым. Но не для того, что бы посмеиваются над младшими, а что бы жениться на Маше. К этому выводу я пришел не так давно: если мы не можем быть сейчас вместе — значит потом нам надо будет обязательно пожениться. И тогда то мы уж точно будем всегда вместе. Но это мой секрет. И иногда я сижу в бабушкином яблоневом саду и про себя размышляю: «Читать я умею, писать меня научила Дина, пилить — строгать и забивать гвозди меня научил Машин папа дядя Ваня... Бабушка Фрося тоже меня научила много чему, например терпению, рассказала мне много разных историй, из которых я тоже кое что выбрал для своей будущей жизни... Ну вот! Я уже жених хоть куда! Лучше и не нужно! Главное только что бы Маша это поняла. Надо только научиться правильно подобрать слова и сказать ей, что бы она вышла за меня замуж, когда я вырасту. И все. А дальше мы уже с ней будем жить вместе. Я ее обижать не буду, плохие слова тоже говорить не буду. И пить — курить как некоторые взрослые — не стану. О чем ни попросит — все сделаю: и гвоздик забью, и дырочку где нужно дрелью прокручу... И учиться буду хорошо — на одни «4» и «5», что бы она мной гордилась и говорила: «Вот какой у меня жених — умный, грамотный и умеет все делать. Вот вырастет и выйду за него замуж. А другого мужа мне не нужно!» (это если не будут уговаривать выйти за какогонибудь другого). Остаётся немного — вырасти поскорее. И я прошу у тети Маруси совета: как бы мне поскорее вырасти. Она и советует: кушай получше, как в школу пойду — что б учился хорошо и так далее. Я и ем: и яблоки разные, и груши, и сливы, и любимую мной клубнику, и кулеш, который я не очень люблю, но все равно ем. Но почему то все равно расту очень медленно... Школа находится недалеко от моего дома и иногда я перелезаю через забор и хожу на школьный двор. Там есть турник, на котором подтягиваются большие ребята. Только он высокий и я до него не достаю, только прыгаю вокруг него, а взрослые ребята надо мной смеются. Наконец один из них подходит ко мне и поднимает меня на турник. Я болтаюсь на нем как «хрен на верёвочке» — так говорят большие ребята, а подтянуться никак не получается. Наконец взрослый парень берет меня за ноги и легонько подталкивает вверх. И я начинаю подтягиваться: раз, два, три, четыре, пять... Он опускает меня на землю и говорит: хочешь — приходи, научим тебя и подтягиваться, и отжиматься. Потом спрашивает хожу ли я в школу и я говорю, что на будущий год пойду. Он улыбается и я иду обратно к забору и слышу

как он говорит другим парням: «У меня братишка младший такой же. Тоже в школу скоро пойдет...» А меня уже распирает радость: вот научусь отжиматься и подтягиваться, посмотрит Маша какой я сильный. И я её всегда буду защищать. И её, и маленькую Олесю. Ну и может быть когда Дину, если её будут обижать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.